

П. Кропоткин

Хлеб и Воля

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 32
ББК 66

П. Кропоткин

Хлеб и Воля / П. Кропоткин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 292 с.

ISBN 978-5-458-05875-9

Предлагаемое издание знакомит читателя с социально-политическими и философскими взглядами П. А. Кропоткина, который был уникальной и во многом символичной фигурой в русской истории рубежа веков. Бунтарь, атеист, сторонник насильственной революции и ученый, стремящийся к гармоническому синтезу биологии, социологии, науки этики.

ISBN 978-5-458-05875-9

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие к новому изданию.

Более двадцати-пяти лет прошло с тех пор, как я писал эту книгу, главным образом имея в виду социальный переворот во Франции. Поколение, принявшее участие в основании Первого, Рабочего Интернационала, и деятели Парижской Коммуны, уцелевшие после разгрома, доживали тогда свой век; и видя кругом себя полное торжество реакции, они теряли веру в возможность социалистического революционного движения.

Мысль о социальной революции продолжала жить лишь среди бланкистов — сторонников централизованного, государственного коммунизма, — и среди горстки анархистов из Первого Интернационала, которые твердо держались основных начал безгосударственного анархического коммунизма, или коллективизма. Эти мысли — т. е. наше понимание мер, которые сможет принять община, освобождающаяся от цепей Капитала и Государства, я постарался оформить и изложить в этой книге.

Конечно, я не воображал, чтобы было возможно набросать точный план общественной перестройки. Но

я думал, что необходимо изложить такой план в общих чертах, чтобы революционеры могли задуматься над громадными задачами, которые возникнут перед социальной революцией.

В Испании мысли, изложенные в этой книге, сразу приобрели сочувствие рабочих. „Завоевание хлеба“ (так была озаглавлена эта книга) стало ходячим изречением среди рабочих — преимущественно анархистов. В стране, где централизованное государство всегда считалось великим злом, проведение социальной революции через вольные коммуны было встречено с полным сочувствием.

Но реакция в Европе все усиливалась. Социал-демократы всех стран учили рабочих, что отныне, при высоком развитии государственных сил, революция невозможна, — пока „концентрация капитала“ не уменьшит в громадной мере числа капиталистов и не уничтожит мелкой промышленности и мелкой торговли. Эти учения брали верх. Вера в близость социальной революции все более угасала, и дело дошло до того, что даже среди наших друзей начали говорить, что бесполезно рассуждать о формах, которые может принять социальная революция. „Когда еще она придет? Быть может, через двести лет!“ говорили некоторые.

Между тем мировая война последних пяти лет показала, как ошибочны были такие безнадежные воззрения. С одной стороны, как у союзников, так и в Германии война выдвинула государственный социализм, вводимый по необходимости, без всякой революции. В Англии, государство стало за эти годы войны главным поставщиком хлеба, мяса, сахара для всей торговли, оптовой и мелочной. Оно же приняло на себя заведывание железными дорогами и угольными копями; оно же стало и главным поощрителем усиленного выращивания пищевых продуктов. С другой стороны, во Франции и в Италии, городские управлении начали брать на себя заготовку пищи и ее распределение.

Первая общественная невзгода в Европе, стало быть, действительно привела к *Коммунизму и распределению продуктов по потребностям*. Высказанная в этой книге догадка подтвердилась, таким образом, в жизни, в громадных размерах.

Подтвердилось и другое требование рабочих; они решили сами принять участие в заведывании фабриками и заводами и в организации производства, и это требование, считавшееся до войны утопичным, т. е. не осуществимым, не только признано в Англии, но даже правительенная Комиссия признала необходимость, нового „Рабочего Парламента”, представляющего производительные интересы всех промышленных рабочих.

Наконец, у нас в России вот уже второй год проходит попытка в великих размерах перестроить всю хозяйственную жизнь полутораста-миллионного народа на коммунистических началах. И крупные ошибки, сделанные в этой попытке, вследствие государственного, централизационного, чиновничего характера, приданного перестройке — сами эти ошибки показывают, как необходимо было давно заняться изучением условий, при которых возможен был бы действительный, *живущий* переход от капиталистского производства и потребления к общественному.

А так как жизнь не остановится на первой неудачной попытке; так как за нею неизбежно последуют во всех странах более или менее глубокие преобразования в том же направлении (многие уже начаты в разных странах) то естественно, что на каждом социалисте лежит *dolg, обязанность перед человечеством и самим собою* приложить силы своего ума и энергии к изучению условий, при которых переход к лучшему, некапиталистическому строю мог бы совершиться, без той разрухи, страданий, болезней, безумной траты сил, развивания худших инстинктов наживы и т. д., которые мы переживаем теперь.

Первый, Рабочий Интернационал, основанный в 1864-м году французскими и английскими рабочими,

имел в виду именно изучение условий перехода от капиталистического строя к коммунистическому.

Но буржуазия и внутренние интриги разрушили эту грозную силу; и вместо него создался Второй Интернационал — не рабочих союзов, как первый, а социал-демократических *партий*; и он поставил себе целью, — сперва „Завоевание Власти” и тогда только социалистический переворот при помощи этой власти. Тех же из нас, кто говорил о перестройке общества снизу, на местах, не по указам центральной власти, а народным строительством, стали обзывать пустыми мечтателями.

Но — в прошлом мы не властны, а потому оставим эти споры, и будем помнить одно. Всем нам, кому дорого будущее, и кто в будущем хочет увидать социальную революцию — удачную, живущую — всем нам предстоит серьезно задуматься над условиями, при которых такая революция может совершиться — и удастся. Науке предстоит изучить действительные наличные силы общества и возможности перестройки; но мы должны изучать условия жизни — не по книжкам и брошюрам, а принимая в ней живое участие — в деревне, в мастерской, на фабрике, на железной дороге, в рудниках и т. д. Мы должны узнать силу сопротивления старого порядка, выяснить причины его стойкости и пробудить новые, строительные силы нового порядка.

Одно из возможных направлений перестройки указано в этой книге; и нет сомнения, что в латинских странах коммунальное производство и потребление будут широко применяться, вместе с федерацией коммун для вопросов областных и всенародных.

Другое возможное направление, тоже анархическое, было указано нашим товарищем, синдикалистом Пужэ (Pouget) в книге „Как мы сделаем революцию”. Он изложил в ней, как многие синдикалисты понимают социальный переворот с точки зрения профессиональных союзов — синдикатов; и я надеюсь, что эту книгу скоро издадут в русском переводе.

Надеюсь также, что в России издадут, наконец, изложение того, как понимали социальную революцию Прудон (хотя бы в кратком изложении его системы Гильром) и его последователь в Соединенных Штатах, Беллами, в книге „Равенство“. Будем еще надеяться, что вообще теперь ослабится в России идолопоклонство перед немецкою социал-демократиею, и зародится желание ознакомиться с тем, что делается в Англии в направлении муниципального и „гильдейского“ социализма, а в латинских странах — в направлении „Коммунализма“, т.е. общинного обобществления потребления.

Общего ознакомления с этими вопросами, поставленными жизнью на очередь в обобществлении землепользования, промышленности и торговли — недостаточно. Жизнь, теперь, будет требовать глубоких *перемен*. И если мы все будем жить в прежнем *неведении жизни*, то всякая новая попытка неизбежно приведет к неудаче.

Всякий поймет, с каким чувством я должен был перечитывать теперь эту книгу. Пусть послужит она одним из очень многих камней, которые необходимо обтесать, чтобы из них возвести *прочное* здание новой общественности, на основах — не слепого повиновения власти, а *вольного сотрудничества* всех.

П. Кропоткин.

г. Дмитров
июнь 1919 г.

Предисловие к первому русскому изданию.

В предлагаемой теперь, в русском переводе книге,— „La Conquete du Pain”, — я постарался набросать идеал того, как могла бы совершиться социальная революция на началах анархического коммунизма.

Критикой существующего строя, с точки зрения хозяйственной, и политической, и вместе с тем разбором ходячих предрассудков насчет Представительного Правления, а также Закона и Власти вообще, которые я стараюсь подорвать, — я занялся раньше, в „Paroles d'un Revolte” (в русском переводе — „Распадение современного строя”, или „Речи бунтовщика”). Выводом из этого критического разбора была необходимость экспроприации, — т. е. необходимость захвата обществом земли и всего накопленного богатства, нужных человечеству для производства и жизни, но находящихся ныне в частном владении... На этом моя работа — она печаталась в виде передовых статей в газете *Le Revolte* — была прервана арестом во Франции и тюрьмою.

Выйдя через три года из тюрьмы, я взялся за продолжение той же работы, в той же нашей газете, „Le Revolte”, перенесенной тем временем в Париж и впоследствии вынужденной судебным преследованием переменить свое имя в „La Revolte”.

Приступая к изложению того, как, по нашему мнению, могла бы и должна была бы совершиться социальная революция, я думал, что лучше будет не описывать идеал вообще, а взять вещественный пример и показать на нем, как, смело и разумно действуя во время революции, можно было бы перейти от теперешнего строя к коммунизму, — безнадальному, анархичес-

кому; как сами обстоятельства будут толкать в этом направлении; и как от нас самих будет зависеть: — осуществить-ли стремления, уже намечающиеся в современном обществе, или же — платя дань укоренившимся и далеко еще не искорененным предрассудкам,— пойти по старым дорогам холопского прошлого, не водворивши ничего существенного в направлении к коммунизму.

Как вещественный пример я взял Париж, и поступил так по следующим причинам:

Всякая нация, хотя бы и самая цивилизованная и самая передовая, представляет собою вовсе не одно целое, подведенное под один общий уровень. Напротив того, различные ее части стоят всегда на весьма различных ступенях развития.

Даже Франция, не смотря на ее две большие революции, 1789 — 1793 и 1848 года, — не смотря на громадный материальный *внутренний* прогресс, который совершился в стране в течение девятнадцатого века (не *внешний*, как в Англии, которая богатела на половину грабежом Индии и других колоний), — не смотря на громадную работу умов, вызванную во всех классах населения ее бурною политическою жизнью за последние сто лет, — не смотря на все это, Франция представляет собою по прежнему агломерат, т. е. без-связное сожительство самых разнообразных частей. Ее северо-запад, даже в настоящее время отстает, по крайней мере на полстолетия, от ее восточных частей. Великая Революция, — т. е. великое крестьянское движение, во время которого был уничтожен *выкуп крепостных обязательств*, и крестьяне отобрали назад земли, захваченные у них за предыдущие двести или триста лет помещиками и монастырями, а также городские бунты, имевшие целью уничтожение городской, полу-крепостной зависимости мастеровых, и освобождение от почти самодержавной королевской власти, — это народное восстание распространилось, по преимуществу, в юго-восточных, восточных и северо-восточных частях

Франции; тогда как северо-запад и запад остались оплотом дворян и короля, и даже взялись за оружие, в Вандейском восстании, против якобинской республики.. Но тоже самое разделение страны на восток и запад существует и по сию пору; и когда, в начале обоснования теперешней республики, выборы в Палату должны были решить, чего хочет Франция — республики или возврата к монархии, карта республиканских выборов (выбор 363-х республиканских депутатов) совпала с поразительной точностью с картою, на которой я как-то нанес все известные мне крестьянские и городские восстания в 1788 — 1792 годах. Только со времени утверждения теперешней республики, республиканские идеалы начали проникать среди крестьян северо-западной и западной Франции.

Запад и восток Франции, ее юго-запад и северо-восток, ее центральное плато и долина Роны остаются отдельными мирами. И это различие резко выступает, не только среди сельского населения этих областей (сельский полу-промышленный кустарь французской Юры и бретонский крестьянин — две разные народности), но и среди городского населения. Сравните только Марсель, или Сент-Этьен и Руан, — с Ренном, где власть попов и вера в короля удержались еще поныне!

Франция, не смотря на целые века государственной централизации, а тем более Италия, и еще более того, Испания — страны местной, самодеятельной и обособленной жизни, обединенной только поверхностно столичным чиновничеством. В сущности, латинские страны, и даже Франция в том числе, — страны глубоко федералистические, чего, между прочим, совершенно неспособны понять государственники-немцы и немецкие якобинцы, которые вечно смешивают ненавистный им „партикуляризм“ (выросший вокруг Саксен-Кобург-Ангальтских и тому подобных *дворов*), с федерализмом, т. е. стремлением к независимости у населения отдельных областей и городов.

В силу этого, для меня нет ни малейшего сомнения, что социальная революция во Франции—какой бы она ни приняла ход — будет иметь характер *местный, общинный*, а отнюдь *не якобинский, не все государственный*. Всякий передовой француз, знающий свою страну и не помешанный на якобинской централизации, отлично понимает (как понимал это Пи-и-Маргаль в Испании), что всякая революция проявится во Франции в виде провозглашения независимых коммун — как это было в 1871 году, когда коммуны были провозглашены в Париже и Сент-Этьене, и попытки провозглашения коммуны были сделаны „бакунистами” в Лионе и Марселе. Какой бы пи заседал во Франции национальный парламент или конвент,— не в нем будут вырабатываться начала социальной революции, а в отдельных городах, которые также мало будут слушаться парламента, как Париж, в 1792-м и 1793-м годах, мало слушался грозного Конвента.

Весьма вероятно также, что развитие революции будет различное в различных городах, и что, смотря по местным условиям и потребностям, в каждой восставшей и провозгласившей свою независимость коммуне, люди попытаются по своему разрешить великий вопрос двадцатого века — социальный вопрос. Другими словами — если в латинских странах начнется социальная революция, то эта революция примет, без всякого сомнения, такой живой, многообразный, местный характер, какой приняла „революция городов” в двенадцатом веке, которую так прекрасно описал, в ее зарождении, Огюстен Тьери. Тоже самое произойдет несомненно в Англии, а также и в большинстве городов Бельгии и Голландии. И для меня нет никакого сомнения также, что никаких шагов в социалистическом направлении (в смысле обобществления орудий производства) не будет сделано в России, покуда *в отдельных частях нашего громадного отечества, при почине городов, не начнутся попытки обобществления земли, прежде всего, и отчасти фабрик*, — и органи-

зация земледелия, а также, может быть, и фабричного производства, на общественно-артельных началах.

Так как я писал в „Revolte", для французских рабочих, то я взял, конечно, Францию, и именно Париж, как самый передовой город Франции, ИТ Я постарался показать как даже такой большой город, как Париж, мог бы совершил у себя и в своих окрестностях социальную революцию, и как он мог бы дать ей укорениться, даже если бы ему пришлось -- как пришлось республиканской Франции в 1793 году — выдержать нападение всех защитников гнилой старины.

В конце этой книги, я был приведен к изучению вопроса, — „Что и как производить?" И я рассмотрел его, по мере сил, в следующей книге, озаглавленной по английски „Fields, Factories and Workshops" (в русском переводе, „Поля, фабрики и мастерская").

П. Кропоткин.

Январь, 1902 г.
